

АГНЕЦ БОЖИЙ

ТЕОНА МОН

Теона Мон
Агнец Божий

«Автор»

2026

Мон Т.

Агнец Божий / Т. Мон — «Автор», 2026

В суровом мире, где человечество уже столетие ведет изнурительную войну с чудовищами, переплелись судьбы двух одиноких душ. Камелия — бессмертная девушка с проклятым даром, которую местные жители прозвали демоном, устала от бесконечной боли и вечного одиночества, влача существование под шепот таинственного голоса Нафанаила. На юге же молодой принц из побежденного царства Алипед, Мельхиор, отправляется в опасную цитадель Барбаросса, чтобы выжить среди чужих интриг, завоевать уважение сурового главнокомандующего Бертрана Кастиля и однажды отомстить за свой дом. Их пути неизбежно пересекаются на ледяных границах, где сталкиваются миры людей, монстров, забытых пророчеств и жажды мести.

© Мон Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Единственный выживший	6
Глава 2. Украденная душа	9
Глава 3. Только не ломайся	12
Глава 4. История про Мельхиор и Отта	15
Глава 5. Крепость	20
Глава 6. Встреча Бертрана Кастиль с демоном Камель	23
Глава 7. В ожидании	27
Глава 8. Первая маска	32
Глава 9. Первые шаги по льду	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Теона Мон

Агнец Божий

То, что мы не помним, не означает, что этого не было...

Глава 1. Единственный выживший

Пророчество

«Прекрасное дитя, что прожило жизнь в несчастьи...

Ты должна встать на путь, приготовленный для тебя нами,

и защитить людей — столь же грешных, как твой горделивый род.

В этой дороге, где неведомо ни начало, ни конец,

не будет никого, кто понесет твою ношу.

Ты должна идти одна.

Отбрось прочь тягостные чувства и ненужные эмоции.

Ты — не желанная дочь матери.

Ты — ненавистный ребёнок отца.

Ты — убитая руками собственных братьев.

Верь только себе.

Прими боль. Терпи. Никто не поймёт тебя, никто не утешит.

*И возможно через тот срок, который казался бы столь долгим и в то же время столь малым, ты обретишь долгожданный покой
...среди клеверов, спрятанных в кустах роз,*

посаженных в твою честь.»

Когда Камелия пришла в себя, она стояла посреди поля, усеянного телами. Мёртвые — люди и монстры — покрывали землю плотным слоем на целый километр вокруг. Не осталось ни клочка свободной земли.

Вся в крови — от макушки до пят — она стояла, как статуя, с вытянутым вперёд мечом. Пустые глаза смотрели в одну точку. Потом она глубоко вдохнула... и опустила клинок. Бой был окончен.

На поле не осталось никого в живых, кроме неё. Только вороны, слетаясь на запах крови, каркали с разных сторон.

— Я покорно приму боль...

и проявлю терпение...

Она опустила взгляд и встретила с мёртвым глазом солдата. Левая часть его лица отсутствовала — вероятно, снесена ударом чудовища. Но правая — сохранила выражение страха. Такого, с которым не умирают спокойно.

Они не шли в бой, чтобы умереть. Они шли, чтобы выжить. Но война не терпит ошибок.

Очередная битва. Очередные потери. Казалось бы — привычная картина. Но Камелия всё ещё не могла привыкнуть. Каждый раз — будто воронка, всасывающая в отчаяние.

А ведь в начале пути она думала, что это будет легко. Как же она ошибалась.

Как же сильно... хотелось умереть.

Она отшатнулась и упала на землю. Боль прошла тело. Усталость, спрятанная до этого, хлынула волной. Она не замечала её, пока боролась за жизнь, которую так хотела оставить.

Всё-таки я человек... — горько подумала она. — Цепляюсь за жизнь, дарованную Богом... хотя каждый день — прошу Его отнять её у меня. Жалкая...

С этими мыслями Камелия провалилась в сон без сновидений. Оставшись среди мёртвых. А голодные звери уже крались по запаху.

— Ворон клонет твой глаз!

Крик в голове разбудил её. Глаза распахнулись. На голове сидел ворон. Он уже собирался клонуть.

— Нет!

Она резко дёрнулась, сбросив птицу. Рядом — лицо солдата. Искривлённое, покрытое засохшей кровью. Похоже, ворон начал с него.

Солнце клонилось к закату, заливая поле багряным светом. Но даже этот тёплый оттенок не мог скрыть кровь, смерть и тяжёлый, тошнотворный запах.

— Их нужно предать земле...

«Это бесполезно. Надо сжечь.»

— Но как?

«Собери их вместе. Остальное — я сделаю.»

Камелия встала и начала тянуть тела — одно за другим — к центру поля. Она старалась укладывать их так, чтобы от всех сторон было примерно одинаковое расстояние.

Первым делом она оттащила трупы от реки Левиафан. Её воды были алыми, как кровь. Ни живые, ни мёртвые, даже монстры — никто не мог её коснуться. Те, кто пробовал, сгорали или плавились моментально в агонии.

Но Камелия могла. Она могла пить эту воду. Могла заходить в реку, будто река принимала её.

Она продолжала работать: тянула монстров, мёртвых солдат. Живот ныл от голода. Солнце ушло. В небе светила луна.

Звери лакомились телами — сытно, спокойно, не трогая живую. Но даже это её не остановило. Она выполняла приказ. Изголодавшись, ела ягоды, траву, даже грибы — не зная, ядовиты ли они. Её это не волновало.

«Ты должна поторопиться.»

— Прекрати... Я не настолько сильна, чтобы справиться быстро. Здесь... минимум тридцать тысяч тел. Это займёт неделю. Или больше.

Она уже не помнила, когда впервые услышала голос. Сначала думала, что сходит с ума. Даже пыталась «вылечиться». Потом смирилась. Со временем голос стал единственным, с кем она могла говорить.

«Когда взойдёт солнце — сюда придут люди из крепости.

Продержись.»

— Всегда одно и то же. Ты выжимаешь меня до капли. Хоть за меня это могли бы сделать другие. Но нет — снова я. Как будто ты нарочно добиваешь. Это твоя цель, да? Выжать всё до конца?

«Нет. Ни в коем случае.

У меня другая цель, Камелия.

Я хочу, чтобы ты была счастлива.»

— Поэтому ты снова и снова шепчешь мне — «иди, убивай, таскай, гни в грязи»? Так выглядит твоё «счастье»?

Голос замолчал. Камелия не ждала ответа. Она тянула тела, как и раньше — падала, ползла, тащила, задыхалась, сдирала кожу с ладоней. Было больно. Но она продолжала.

«...Тебе не дадут умереть. Пока не сделаешь всё, что они требуют. Я лишь хочу, чтобы ты успела. И упокоилась с миром.»

Камелия остановилась. В её взгляде не было ничего — ни боли, ни гнева. Только тишина.

Она моментально вспомнила слова нашептанные ей перед возвращением к жизни и многочисленные свои попытки умереть. Потерянная душа не могла ничего кроме как свыкнуться и принять свою судьбу, волоча нежеланную тоскливую жизнь на дне кошмара, куда была сброшена столетия тому назад..

— Я покорно приму боль...

и проявлю терпение, — прошептала она.

...Я люблю тебя.

Камелия.

Моя прекрасная принцесса...

Глава 2. Украденная душа

Из-за тирании Королевы Феодосии Прекрасной, главнокомандующий и по совместительству дядя шестнадцатилетнего наследного принца Сераписа — герцог Бертран Кастиль — устроил заговор против вдовы своего умершего брата. Обвинив правительницу в измене королю при его жизни, он сослал её в дальний монастырь, а её любовника повесили на главной площади. Расточительность, жестокие налоги, кроважанные указы и бесконечные балы знати, которые устраивала королева во время тяжёлых времён, усугубили положение простолюдинов. Уже сто лет как длилась война с монстрами, и когда Феодосию свергли, народ праздновал её изгнание с тем же энтузиазмом, как если бы одержал великую победу над врагом.

Этот момент должен был войти в историю как освобождение от тирании, но после её падения почти ничего не изменилось. Некоторые налоги и законы были отменены — только для того, чтобы предотвратить восстание. Королевство оставалось в застое, а жадные аристократы наперегонки стремились услужить молодому принцу и его дяде, который, вместо того чтобы захватить трон, усадил в него своего племянника и беззаветно поддерживал его.

Среди этих шакалов, где каждый был искусным интриганом и манипулятором, мечтающим о куске власти, юный король чувствовал себя одиноким и уязвимым. Ему нужен был союзник, которому он мог бы полностью доверять. И хотя двор настаивал на кандидатуре герцога Бертрана, Серапис избрал своего старого друга — Варфала, бывшего конюха.

Когда-то Варфал спас принца от гибели под копытами взбесившегося жеребца. С тех пор между ними завязалась крепкая связь. В благодарность Серапис назначил его главным конюхом, одарил богатством и отправил учиться в академию Дион — учреждение, куда допускались лишь аристократы.

В глазах короля не было никого более подходящего. Он сам вытащил Варфала из нищеты и считал, что его друг предан ему без остатка. Серапис ни в чём не отказывал своему подданному и был уверен в его искренности.

Решение, принятое в одностороннем порядке, вызвало недовольство знати, но никто не осмелился возразить из-за влияния Бертрана, державшего двор в узде.

— Вы, как главнокомандующий, должны защищать наши границы, — произнёс Серапис, восседая на троне. Его тело ещё не покинуло детскую угловатость, лицо было моложавым, а голос — звенящим. — Отправляйтесь на север, к границе, где прорываются монстры. Устраните угрозу.

Зал замер. Все понимали: власть Сераписа держится на фигуре герцога. Его отъезд был слишком значимым решением.

— Прошу простить мою дерзость, — поклонился маркиз Ворман Валуа, — но, Ваше Величество, герцог — ваш верный сторонник и единственный родственник. Без него могут возникнуть затруднения с управлением магнатами.

— О каких трудностях ты говоришь?! Я — законный король. Кто посмеет идти против меня?!

— Конечно, никто, — тут же отозвался Валуа. — Прошу простить мою старческую глупость. Ваши слова — истина.

Маркиз бросил осторожный взгляд на Бертрана, тот молчал. Затем — на Варфала, виновника происходящего. Он вызывал у Валуа отвращение.

— Ваш слуга повинуется, — спокойно произнёс Бертран, поклонившись.

Маркиз едва не сорвался, но, как и всегда, удержал на лице сдержанную, вежливую улыбку.

— Отлично. Отправляйтесь немедленно.

Молодой Серапис боялся своего дяди. Тот уже однажды устроил переворот. Слова Варфала, что Бертран хочет управлять страной из тени, только усиливали подозрения. Юный король лелеял мечту: стоит дяде покинуть столицу — и все проблемы исчезнут.

Бертран прекрасно знал, что чувствует племянник. И, словно прося у него прощения за изгнание матери, без единого возражения принял приказ, которого давно ожидал.

— Как прикажете, Ваше Величество. Позвольте лишь напоследок дать вам один совет.

Король сдвинул брови, собираясь отказаться, но Варфал опередил его:

— Мой повелитель, — пропел он с мягкой улыбкой, — герцог служил ещё вашему отцу и сведущ в управлении. Несомненно, его слова будут мудры.

Серапис кивнул.

— Говори.

— Мы, люди, подобны металлу, — начал Бертран. — Закаляемся от ударов судьбы. Ошибаемся. Учимся. Но иногда даже одна ошибка, кажущаяся мелкой, может стоить нам жизни.

Серапис не понял, к чему клонит дядя, но не подал виду.

— Я тебя понял, дядя. Можешь идти.

— Надеюсь, — произнёс тот и поклонился в последний раз.

Он вышел из зала с гордо поднятой головой. Ему хотелось обернуться — но он не сделал этого. Свою роль он сыграл. Дальнейшее зависело от мальчика. Коль справится — достоин, коль нет — не достоин.

— Ты просто уйдёшь? — раздался голос.

На полпути к выходу Бертрана догнал Ворман.

— А что мне остаётся, дорогой Ворман? Это приказ. Неподчинение — измена. Мой брат любил подобные решения, и его сын — не исключение.

— Старый дурак! — прошипел Валуа. — Ты не видишь, что случится, если уйдёшь?!

— Хоть бы делал вид, что мы не ссоримся. Подумай, что скажут те, кто услышит.

— Вся столица знает, что мы друг друга терпеть не можем.

— Верно. Но ты единственный, кому я по-настоящему доверял. Говорят, враг — лучший друг. Я буду скучать по временам, когда мы могли ненавидеть друг друга открыто.

— Не говори, как будто прощаешься. Возвращайся!

— Ты справишься без меня...

— Я не буду помогать королю, который не понимает, кто ему враг, а кто — друг.

— Как и с Феодосией, — мягко заметил Бертран. — Ты защищал её, пока она не показала своё лицо. Я же добился бы её казни, если бы не ты.

— Это другое! — резко оборвал Валуа. — Серапис — ещё ребёнок. Ему нужен ты!

Герцог долго молчал, глядя на старинную картину «Украденная душа». На ней безобразный демон держал человека на руках. Аллегория. Кардинал Казимо — в образе демона, король Василий — в руках, как игрушка. Всё — напоминание о политике, доведшей страну до кровавой бойни.

— Я исполнил последнюю волю своего брата. Теперь хочу умереть с мечом в руках, как рыцарь. А не от ножа в спину — от руки собственного племянника.

— Ты должен был быть королём... — пробормотал Валуа. — Проклятая честь...

— Не говори таких вещей вслух. У стен есть уши. Я оставляю королевство и мальчишку тебе. Уж ты-то не дашь им погибнуть.

— Я сам выбираю свой путь. Но если ты уедешь, не смей возвращаться живым! Гнев мой не погаснет никогда!

Бертран развернулся, улыбнулся и тихо сказал:

— Прощай, Ворман Валуа. Быть твоим соперником — было честью.

Когда он исчез из виду, маркиз произнёс в пустоту:

— Идиот, посвятивший свою жизнь брату и его сыну, был без благодарности выпровожен на верную смерть в дали от своего дома, которую защищал... И кто же тебя будет восхвалять за все заслуги и оплакивать твою гибель?..

Глава 3. Только не ломайся

Всё, что человек не может постичь, вызывает в нём страх. А там, где зарождается страх, быстро вырастает ненависть — подогреваемая завистью и бессилием.

Во времена, когда человечество гинуло от кровожадных зверей, для жителей крепости Барбароса самым страшным было признать: где-то рядом живёт существо, которому сама судьба отказала в смерти. Камель — восемнадцатилетний юноша с женственно-детским лицом, короткими золотистыми волосами, бледной кожей и потухшими глазами цвета рубина, будто в них застыли капли древней крови, — стал олицетворением всего прекрасного и неземного.

Он появился здесь в самый обычный день — шестилетний ребёнок, не ведавший ни страха, ни покоя. Словно загнанный зверёк, он стремился в бой, будто в ярости и крови заключался для него смысл жизни... или путь к освобождению. Сначала народ полюбил его — за ангельскую внешность, такую редкую, что даже старый лорд возжелал затащить его в свою крепость ради грязных утех. Красотой с ним не мог сравниться никто. Но когда жирный старик попытался воплотить свои аморальные фантазии, его раздутый живот был вспорот, а он сам задушен собственными кишками.

Солдаты решили казнить его за убийство. Мальчика морили голодом неделю в ледяной подземной клетке, избивали плетью до обнажения костей, но их ужас лишь рос: раны на его теле затягивались почти мгновенно, не оставляя даже шрама. На площади ему отрубили голову — и она тут же вернулась на место. После четвертования конечности срослись, будто их никто и не отрезал. Огонь не жёг, вода не топила. Даже на виселице он, каким-то проклятым образом, продолжал дышать.

Бессмертие, от которого нет избавления, породило в народе нечто страшнее ненависти — безысходный, липкий страх.

— Даже монстры умирают, когда их ранят. А этот... — шептались солдаты. — Это хуже.

В одну из тех ночей, когда чудовища обрушились на стены, стража, охваченная паникой, упустила его из виду — и Камель исчез. С тех пор он больше не возвращался за крепостные ворота. Его замечали лишь на поле брани — тень с мечом, сражающаяся за людей. Но страх перед ним был сильнее любой благодарности. Люди прозвали его демоном Камель.

Никто не знал, чем он питается, где спит, есть ли у него родня, откуда он явился и чего добивается. Он не говорил, не объяснял — и потому страшил ещё сильнее. Им было проще бояться. Проще ненавидеть.

Камелия, некогда представавшая миру мальчиком, уже давно не придерживалась образа намеренно. Сначала — ради выживания. Потом — потому что так было проще. А после — уже не имело значения. Сейчас она жила одна, в пещере на вершине горы, где, по старым преданиям, когда-то спал Золотой дракон.

Дни её текли, как мутная вода в стоячем пруду. Однообразные, вязкие, без цели и смысла.

— Ты говорил, утром придут люди, чтобы забрать трупы, — проговорила она, медленно оглядывая равнину, — но прошла уже неделя. Я всё закончила сама.

...У них что-то случилось... — отозвался голос в голове.

— Может, они просто устали? — равнодушно предположила она.

Нет. Они ждут кого-то. Готовятся. Люди всегда хотят произвести впечатление на тех, кто важен или может оказаться полезным.

— Неважно, — безучастно бросила она, — здесь воняет невыносимо. Разведи огонь. ищники, насытившиеся, не уходили.

Они ждали.

Затаились в высокой траве, будто живые тени, и следили за ней.

Девушка казалась хрупкой, почти эфемерной — кожа бледнее лунного света, тонкие руки, усталый шаг. Но звери помнили: та, что выглядит беззащитной, способна рвать плоть без крика.

Пантеры, решившиеся на нападение, уже давно стали пищей для других.

Их смерть была быстрой. Без пафоса. Без борьбы.

Теперь звери смотрели. С благоговейным страхом.

Колыхнувшийся внезапный синий огонь напугал зверей, и они разбежались кто куда. Только белый барс и тигр остались на месте, не шелохнувшись. А потом, будто что-то поняли, пошли за ней — туда, вниз, по узкой тропе, ведущей вдоль скал.

Путь к пещере не лежал вверх, как принято думать о святилищах. Напротив — он вёл вниз, к подножию утёса. Туда, где начиналась щель между камнями, скрытая от глаз. Туда, где по легендам когда-то спал золотой дракон.

Эта тропа была настолько узкой, что идти по ней прямо было невозможно. Камелия двигалась боком, цепляясь за острые выступы, зацарапанные её собственными руками, выдолбленные временем и болью. В некоторых местах путь обрывался, и приходилось ползти, хватаясь пальцами за мельчайшие каменные бугорки, чтобы не сорваться вниз.

Так она спускалась в свою обитель — в пещеру, где скрывалась от мира и людей. В логово, ставшее домом для существа, которое они называли демоном Камель.

Пещера была невидимой снаружи — ни один путник не догадался бы, что среди этих скал кроется мир. Внутри же она была просторна и тиха, как чрево древнего существа. Здесь текла река — молочно-белая, будто растворённая кость, как противоположность багровому Левиафану, знакомому с полем сражений.

Исток её был глубоко внутри, там, где потолок пещеры был пробит и тонкий луч солнца, преломляясь сквозь миллионы кристаллов, рассыпал по пространству тусклое сияние. Свет этот, отражаясь от стен, создавал иллюзию иного измерения — нетленного, неумирающего.

Там же, среди вечной тени, росли растения, что не видели мира. Их широкие листья держали прохладу. По ним порхали существа, похожие на фей — прозрачные, беззвучные, оставляющие за собой лёгкий, звонкий смех, будто эхо забытых грёз. Они не боялись Камелии, не сторонились её. Возможно, были её отражением — такой же бесплотной, неживой, одинокой.

Камелии нравилось наблюдать за феями, лежа на огромном сером плоском камне, гладком, будто королевский кафель, который она помнила ещё со времён своей прежней, далёкой и почти забытой жизни. Кто она такая теперь — эта девушка, обладательница чарующей красоты, с невинным лицом и проклято бессмертным телом?..

С годами она и сама начала забывать, кем была. Память стала песком, рассыпанным в пустыне времени. Всё, что некогда вызывало боль — стало ничтожным. Забылось лицо матери, вечно презирающей её. Лица двух братьев, что убили её. Забылся дед, что отрёкся от неё. Даже верный слуга, некогда преклонявшийся перед ней, исчез из воспоминаний.

Забылись ночи и дни, наполненные болью, слезами и жалостью к себе. Даже редкие светлые воспоминания потускнели и ушли. Всё стало неважным.

Казалось, она стоит над пропастью, спиной к бездне, делая шаг вперёд без цели, без надежды на конец. Остался только голос в голове, как глухой набат, что бил в висках и подсказывал — что делать дальше. Она не знала зачем, но слушалась, как марионетка, ведомая невидимой рукой.

— Камелия, тебе нужно поесть.

— Но я ведь не умру, даже если не буду есть.

— Не говори так. Боль — это не награда. Ты не умрёшь, но станет только хуже.

— Я устала. Потом.

— Камелия!

— Кричи, сколько влезет.

Она ответила спокойно, почти лениво, как человек, давно привыкший к разговорам с пустотой. Разделась, отбросив в сторону порванную одежду, и вошла в белую воду источника — воду, тёплую, как её собственное тело, будто созданную для неё.

После недели гнили, пыли, крови и сражений это тепло казалось редким утешением. Она села, вытянула ноги, стала тереть кожу — до красноты, до жжения, до бледной гладкости.

— Почему ты затих?

— Ты ведь всё равно меня не слушаешь...

— Звучишь, как обиженный мальчик.

Она усмехнулась — сухо, будто сил на смех больше нет.

— Скажи, Наф...

— Нафанаил!

— Наф... ты ведь меня видишь?

— ...Да.

— Прекрасно. Значит, ты наблюдаешь, как я раздеваюсь, моюсь и хожу по нужде?

— Нет. Я обещал, что не буду смотреть в такие моменты.

— Правда?.. — её глаза потускнели. — Я... не помню. Когда ты расскажешь, зачем я здесь? Всё время говоришь, что я должна выполнить "их" волю, но как мне исполнить то, чего не знаю? Кто они? Что им нужно?

Молчание.

— Наф?..

— Некоторые вещи должны остаться в тени, моя Камелия. Не задавай вопросов, на которые не получишь ответов. Знай одно — я всегда рядом. Даже когда смерть наконец настигнет тебя, я буду там. Я поклялся. Эти дни пройдут. Придёт время, и ты снова научишься смеяться — по-настоящему, не из вежливости, не из боли. Я буду рядом. Всегда. Моя прелестная принцесса, нежная воительница, смысл всей моей сути... Прошу тебя, только не ломайся. Не сейчас.

Он говорил тихо, ласково, с едва уловимой болью.

А она, не ответив, уложила голову и грудь на гладкий камень посреди источника и закрыла глаза. Сон пришёл легко — не как спасение, а как исчезновение.

Глава 4. История про Мельхиор и Отта

Пока на севере, после гибели Олыши, солдаты в крепости Барбаросса гибли от монстров и возводили стену до её нынешней высоты, на юге королевство Эсвар захватывало Алипед — пустынное царство, истощённое высыханием реки Торро. Лишь позднее жители Алипеды поняли, что причина бедствия была в самих эсварцах, изменивших течение реки высоко в верховьях. Добраться туда было почти невозможно: путь занимал месяцы, а тех, кто добирался — поджидала засада.

Несмотря на своё проигрышное положение, жители великой пустыни долгое время удерживали царство, полагаясь на редкие дожди и собранную влагу. Бывший король Эсвара, Одилиан, отец нынешнего правителя Сераписа, оценил их стойкость и не стал полностью истреблять царский род. Вместо этого он выдвинул несколько условий, позволивших сохранить часть независимости. Одним из них было — отправить двух младших принцев в Эсвар в качестве залога. Так старший, ставший новым царём вместо обезглавленного отца, не забывал бы: кровь его рода всё ещё под прицелом.

Новый царь принял все условия, но попросил отсрочку — чтобы проститься с братьями. Он назначил день, когда те должны будут покинуть отчий дом, и король Эсвара согласился, проявив уважение.

И вот срок подошёл. Два принца пересекли выжженную пустыню и направились в логово врага — чтобы провести остаток своих дней вдали от палящего солнца, среди чуждых стен и взглядов, без надежды на возвращение.

— Братец, сколько ещё мы будем ехать? — пожаловался пятнадцатилетний Отта. — Меня уже тошнит.

Его янтарные глаза поблёскивали от слёз — усталость и укачивание изматывали. Уже больше месяца они тряслись в карете, и Отта, с рождения слабый, переносил дорогу хуже всех. Его берегли, словно тонкий фарфор: младший, самый красивый из братьев. Не то чтобы старшие были уродливы, но в Отте жила странная, почти женственная прелесть, унаследованная от матери — за которую он тайно стыдился, особенно рядом с суровой мужественностью братьев.

Мельхиор молча взглянул на брата — сочувственно, но растерянно. Он не знал, чем помочь.

Останавливать карету было нельзя: капитан сопровождения, человек с раздражённым лицом и пустыми глазами, уже не раз одёргивал их. «Не задерживайте отряд пустыми жалобами», — повторял он, будто их судьба была досадной обузой. Мельхиор отлично понимал: перед ними не воин, а мелочный трус, которому приятно чувствовать себя важным рядом с пленными принцами.

— Потерпи ещё немного, Отта, скоро будет привал...

Младший принц сжал кулачки и опустил глаза. По щекам скатились горячие слёзы, предательские, бессильные — как он сам в этот момент.

— Если бы отец не проиграл...

— Отта!

Младший сразу замолчал, прикусив губу. Он знал: отец сделал всё, что мог. Но в такие минуты нужен был кто-то, кого можно винить.

Мельхиор знал это — и не осуждал. Но и позволить Отте идти этим путём не мог.

Он пересел к брату и заключил его в объятия, сквозь сопротивление.

— Ненавидь тех, кто вынудил нашего брата отпустить нас в эту даль, — прошептал он. — Но не показывай этого. Мы должны выжить. Чтобы однажды вернуться.

Отта метнул взгляд на окна кареты, тревожно — будто мир за стеклом мог подслушать.

— Но как мы это сделаем, брат?..

— Пока мы живы — всё возможно, — тихо ответил Мельхиор. — В столице разберёмся. Главное — не показывай злобы, не выгляди выше их. Стань другом, стань тенью.

Он наклонился ближе:

— Самый верный яд — тот, что выпит в неведении. Тот, что доходит до сердца.

— Я ведь такой слабый... Что я могу? Если бы это был Озахар — вы бы всё смогли вместе. А я...

— Не смей, — оборвал Мельхиор, запуская пальцы в чёрные, как смоль, кудри брата. — Ты забыл, сколько хлопот ты нам доставлял? Твоя хитрость и язык — оружие не хуже меча. Ты мог заговорить кого угодно, и родители всегда верили именно тебе.

Он тихо усмехнулся:

— Признаться, Отта... ты прирождённый интриган. Если уж быть пленником — то пусть же Эсвар падёт от тебя. Но не спеши. Яд работает в тишине.

Младший принц обнял старшего и закрыл глаза, пытаясь заглушить тошноту. Его успокаивали тепло этих объятий, знакомый запах пустыни, словно впитавшийся в кожу брата, и голос, дарующий надежду, как глоток воды в зной.

— Я сделаю, как ты скажешь, бартец...

До столицы оставалась ещё неделя пути. Их встреча была сухой и холодной — как и ожидалось. В первый же день, не дав даже переодеться, принцев провели в тронный зал, где их ждали молодой король, его советник и несколько знатных лордов из совета.

— Добро пожаловать в Эсвар, дорогие принцы из Алипед, — громко и радостно произнёс Серапис, восседаая на высоком троне.

Мельхиору и Отте сразу бросилось в глаза: сын завоевателя не умеет скрывать своих чувств. Их с детства учили иному.

Но они лишь молча склонились в поклоне — без тени вражды, без намёка на презрение. Ни один мускул не дрогнул на их лицах.

— Надеюсь, дорога не была слишком тяжёлой? — с неестественной учтивостью поинтересовался Серапис. — Я рад, что вы всё-таки прибыли.

О принцах Алипед слагают легенды. Старший — политик, вождь. Средний — воин, молния в бою. А младший... — он с усмешкой осмотрел Отту с головы до ног, — словно бы красавец из сказки.

Будь вы немного старше — возможно, и не проиграли бы. Но что есть — то есть.

— Благодарю за заботу, Ваше Величество, — Мельхиор положил ладонь на сердце, сохраняя безупречное самообладание. Лишь внутри всё кипело от ярости — но он не позволил себе и тени эмоции.

— Прошлое уже осталось позади, будущее — в тумане. А сегодня мы стоим перед Вами, как залог мира и смирения царства Алипед перед величием Эсвара.

Пусть боги благоволят вашему правлению, столь щедро принявшему нас под свою сень. Мы приложим все усилия, чтобы быть достойными этого гостеприимства — и не омрачать ваше спокойствие нашим присутствием.

— Хм... — негромко хмыкнул Серапис, и взгляд его стал холоднее.

Он уже невзлюбил Мельхиора — слишком прямой, слишком уверенный, слишком похож на легенды, в которых его покойный отец видел идеал.

— Вы и вправду умеете красиво подчиняться.

Он лениво откинулся на трон.

— Помнится, когда вы были ещё почти мальчишкой, вы ранили в бою моего дядю — Бертрана Кастиля. Стрелой в плечо. Именно с этого и началась ваша "великая" слава, разве не так?

— Сколько вам тогда было? Тринадцать?

— Тринадцать, Ваше Величество, — спокойно ответил Мельхиор.

— Тогда мы были врагами. Я лишь исполнил свой долг перед родиной.

Он слегка склонил голову.

— Если командующий всё ещё помнит ту рану, я готов принести извинения... но, боюсь, не вижу его среди этих благородных господ.

Серапис усмехнулся, словно выждал именно этот момент:

— Какое совпадение. Принц Мельхиор, вы сможете принести извинения лично — моему дяде, как только встретитесь.

Маркиз Валуа опустил взгляд, словно в этот миг на его плечи легла тяжесть всех поражений Алипеды. Он знал: решение уже принято.

— Вы славитесь своей доблестью, — продолжил Серапис с фальшивой любезностью, — а потому для вас найдётся достойная возможность: мой дядя Бертран Кастиль сейчас в крепости Барбаросса. Вы отправитесь туда — и станете его учеником.

Он сделал паузу.

— Надеюсь, вы наслышаны о нём?

Хоть Серапис так говорил, все знали, что эта идея была Варфала, который отчего-то посчитал нахождения двух принцев вместе в столице плохой идеей, но старшего принца можно было отослать куда-нибудь в другое место, не рискуя его жизнью. Ведь если кто-то из них умрет велика вероятность что Алипеды может восстать, а этого им сейчас совсем не хотелось, учитывая, что Бертран Кастиль со своими солдатами был на севере, а им правил ребенок, да простолюдин в придачу, который по своему возрасту далеко от хозяина не ушел.

— Я наслышан об этой крепости, — сдержанно ответил Мельхиор.

Ни он, ни его брат не выдали ни тревоги, ни досады. Их лица были спокойны, осанка — безупречна. Даже стоя перед чужим троном, они не утратили ни капли достоинства.

— Для меня будет честью отправиться туда и стать свидетелем сражений между людьми и чудовищами, о которых я лишь слышал в песнях. Если же мне доведётся учиться под началом вашего дяди, то честь моя удвоится.

Слова Мельхиора звучали кротко, но в каждом обороте чувствовалась твёрдость, не поддающаяся унижению.

Серапис расплылся в довольной улыбке, приняв это за покорность. Он ещё долго разглагольствовал о славе своего рода, и только когда насытился собственной речью, отпустил принцев в их покой.

— Этот мальчишка корчит из себя владыку мира, — пробормотал Отта, едва за ними захлопнулась дверь.

— У стен есть уши, — отозвался Мельхиор. — Говори тише. А лучше — вовсе молчи, пока не научишься контролировать пыл.

— Прекрати ворчать!

Отта взмахнул рукой — в воздухе закружились золотистые крупинки, как песок в полуденной жаре. Они сгустились в прозрачную завесу, поглотив все звуки. Мир стал отстранённым, как будто покрытым мягкой, плотной тканью.

— Почему ты согласился? Ты ведь можешь... умереть там.

Мельхиор прошёл к дивану, медленно сел, сцепил пальцы и опустил голову.

— Потому что сейчас — не время для страха. И потому что у нас нет выбора.

Он взглянул на брата:

— А тебе пора научиться владеть тем, что дала тебе мать.

Это был не просто свет — а песчаные золотые искры, рождающиеся по воле носителя. Они не освещали, а глушили звук — будто оборачивали мир в бархатную тишину. Иногда вызвали видения — зыбкие, как сон, или пугающе отчётливые, словно истина, от которой хочется закрыть глаза.

В Алиппеде эту силу считали божественной благодатью — знаком избранного. Она передавалась по крови женщин царского рода: строго по материнской линии. Потому-то династия и берегла кровь, не пуская её в смешение, как священную реликвию.

Но сто лет назад свет исчез. Дети рождались — но никто больше не зажигал песок. Легенды постепенно отступили в сказки, в песни, в молитвы. И только память оставалась — без надежды.

Пока не родился Отта.

В нём песчинки вновь заплескались, золотым свечением окрасив мир. Почему он? Никто не знал. Но его появление стало знаменем: возможно, Алиппеде ещё жива. Возможно, боги не отвернулись.

—... Ответь сначала на мой вопрос, - потребовал юноша.

Мельхиор откинулся на подушки и устало закрыл глаза. Несколько секунд он молчал, прежде чем ответить:

— Пока есть возможность — нужно набираться опыта, Отта. Ты — здесь. Используй их. Короля, его советника... Все эти высокомерные лица. Кто-то из них опасен, кто-то глуп — но тебе под силу.

Будь здесь Бертран или Одилиан — было бы иначе. Но сейчас... тебе повезло.

Он встал и подошёл ближе.

— Присматривайся к ним: маркиз Валуа, граф Хайфалл, барон Мадейра и этот советник. Учи их язык, их жесты, их слабости. А я пойду другим путём — на север, в крепость Барбаросса. Там, где монстры и война.

— Почему? — прошептал Отта. — Это же самоубийство...

— Потому что ничто не закаляет воина сильнее, чем смерть, от которой нет щита.

Мельхиор на мгновение сжал плечо брата, и в его голосе прозвучала ледяная ярость:

— Я принесу тебе голову главнокомандующего. Того, кто вместе с покойным братом разрушил наш дом. А ты... ты пообещай мне, что посадишь на пику этого самодовольного идиота Сераписа.

Отта не сразу ответил. Он замер, будто решаясь.

— Я... постараюсь. Но ты — сильный. А я...

— Перестань, — резко перебил Мельхиор. — Ты забываешь, сколько бед ты нам принес одной улыбкой. Одним взглядом. Сколько раз родители верили тебе, даже когда ты врал — и ругали нас.

Ты прирождённый интриган, Отта. Ложь в твоих устах звучит как музыка. Пусть же этот дворец утонет в ней, как в шелке. Не бойся. Жди. И трави их медленно, как яд. Пока не захлебнутся.

Отта опустил глаза. Но в груди его что-то потеплело. Он обнял брата и прошептал:

— Я сделаю, как ты скажешь, братец...

Глава 5. Крепость

— Великая крепость Барбаросса...

Капитан Грант закинул голову назад, чтобы разглядеть исполинскую стену — некогда простую границу с исчезнувшим королевством Ольши. Ещё сто лет назад она была лишь формальностью: низкая, скромная, почти символическая. Но всё изменилось, когда из растаявших северных ледников вырвались первые монстры. С тех пор Барбароссу укрепили, нарастили вверх на целых четыре метра, и теперь она возвышалась, уродливая, грубая, как будто сама вылеплена из страха и крови. Не прекрасная — но надёжная. Укрытие, а не украшение.

— Ходят слухи, — сказал рыцарь Петрунко, не отрывая взгляда от стены, — что второй слой этой громады сложен из тел беженцев из Ольши.

— Когда пошли волны чудищ, стало слишком много ртов. И тогда пограничный лорд решил: раз уж эти чужаки ищут у нас спасения — пусть станут его фундаментом. Он уверял, что замурованные тела крепче любого камня.

— Народ поверил. Своих не тронули — в расход пошли те, кто пришёл за защитой... и стал кирпичом.

— Нелюди... — пробормотал Теодор, покачав головой и сплюнув на землю.

— Ты чего, Тео? — усмехнулся Гарсий. — Люди не отличаются человечностью, когда на кону их шкуры. Всегда так было.

— Я бы так не поступил, — упрямо бросил Теодор.

— Лучше не зарекайся. Пока тепло и сухо — все мы благородны. А когда доходит до крови — человек звереет быстрее чудища.

Он повернулся:

— Пошли. Нам ещё на совет, а командующий ждать не любит.

Теодор Тандиль был намного моложе чем Грант и достаточно глупым, но благодаря связям своей семьи сумел дослужиться до капитана в свои двадцать четыре года, хотя после его дом пал из-за расточительства главы.

— Но я правда бы нашел способ помочь всем, а не отделять своих от чужаков, - не уни-мался парень следуя за Гарсием.

— Да, да...

Бертран Кастиль, переживший пятьдесят два зимы, покинул столицу, в которой провёл лучшие и худшие годы своей жизни. Он выбрал Барбароссу — холодную, суровую, одинокую — как последнее пристанище.

Те мечты, что некогда гнали его вперёд, заставляя кровь бурлить, а сердце рваться в бой, теперь заржавели в уголках памяти, как старые доспехи.

Он больше не стремился к власти, не плёл интриг, не вынашивал амбиций. Его бой теперь — лишь за стены и людей по эту сторону камня. Его дело — отражать ужас снаружи и сохранять тишину внутри.

— Совсем недавно разразилась масштабная битва у реки Левиафан, — докладывал лорд Сьерра, взглядом обходя собравшихся. — Наплыв был колоссальным. Мы не нашли ни одного выжившего среди дозорных. Но с тех пор местность чиста. Надеемся, зима пройдёт спокойно.

— Надеетесь? — усмехнулся капитан Грант. Его голос, словно наждак, царапал тонкую пленку надежды. — Беда не спрашивает разрешения. Она приходит, когда вино разлито и кости уже поджарены.

Лорд Сьерра бросил на него раздражённый взгляд, но промолчал.

— Герцог, — заговорил Грант, обращаясь к Бертрану, — Я прошёлся по рынку. Говорил с жителями. Все как один твердят: зима будет лютой и долгой. Люди боятся — не столько холода, сколько того, что с ним придёт. Монстры, говорят, в мороз становятся дерзкими. А мы — вялыми.

Бертран, сидевший до этого молча, не любил вступать в разговор без необходимости. Но теперь он поднял взгляд — медленно, словно сквозь толщу льда.

— И раньше подобное было, — вмешался лорд Сьерра, недовольно сжав губы, — Стена Барбаросса не раз нас выручала. Мы просто переждём зиму, а весной перебьём всех чудищ разом.

Бертран не смотрел на него. Он говорил, не повышая голоса — и от этого в зале стало тише, чем от крика:

— Весной, говорите?.. А вы уверены, что доживёте до весны? Или вы просто боитесь выйти за порог и посмотреть, что там — за вашей драгоценной стеной?

Он повернулся к лорду Сьерра, и даже Грант чуть напрягся: взгляд Кастиля был ледяной, как сталь меча в снегу.

— Шестнадцать тысяч пятьсот восемьдесят четыре. Это — ваши потери. Ваши люди. Не чудовища. Не тьма. А вы.

Вы — их командующий. А значит, это не просто цифра. Это — ваш приговор.

Сьерра попытался было заговорить, но Бертран перебил его, не повысив ни на йоту тон:

— И вы ещё смеете говорить о пережидании?

Среди чудищ есть те, что ползут по стенам, летают, разрывают камень. Их видели. Их убивали. Их не удержит ваш камень.

И если вы считаете, что ваши "гражданские" будут вам щитом — значит, вы не защитник, а палач в мантии командира.

Он медленно встал и подошёл ближе, чтобы все видели, как мало ему надо, чтобы вынести приговор.

— Стена — это не ваш заслон. Это ваше оправдание.

Вы кормили этих тварей телами солдат, надеясь, что подмога придёт вовремя. Вы жертвовали гарнизоном, как в счёте — только цифрами. Но я — не цифра. Я Бертран Кастиль, герцог, стратег, последний, кто помнит, что такое честь. И если вы забыли — я напомню.

Он кивнул рыцарям у двери. Те молча подошли.

— Уведите его. Пока ещё с головой на плечах.

Сьерра начал кричать что-то про пощаду, про долг, про службу — но его голос уже никто не слушал. Только звук шагов по каменному полу.

— Гарсий. Теодор. Завтра — выходим за стену. Возьмите лучших. Не тех, кто носит броню. А тех, кто в ней живёт.

— Гленарван, Айрес. Город. Припасы. Казна. Люди. Хоть один клочок бумаги, хоть одна сплетня на рынке — мне нужна каждая крупинка правды. Особенно — о нашем доблестном лорде.

Бертран снова поднял взгляд на карту, висящую на стене. На ней красной линией тянулась граница Барбароссы, как кровоточащий шрам.

— Пока он гниёт в темнице — мы поймём, сколько ещё гнили осталось за его спиной.

Глава 6. Встреча Бертрана Кастиль с демоном Камель

В драконьей пещере, где текла иная жизнь — оторванная от мира, будто забытая временем, — не ступала нога ни зверя, ни чудовища. Даже ползучие и крылатые твари сторонились этого места. Здесь Камелия жила одна, в компании лишь таинственного голоса внутри. Она спала на мягкой траве или на гладком камне, где, по слухам, когда-то отдыхал сам Золотой Дракон. Купалась в белом источнике, а питалась фруктами с тропических деревьев, густо покрывавших весь простор пещеры.

Температура в этой обители никогда не менялась — всегда оставалась тёплой, но не знойной, словно мир под куполом заботливого божества. Камелия вновь и вновь дивилась этому постоянству, и каждый раз Нафанаил отвечал ей с той же спокойной загадочностью:

— Это дом Золотого Дракона. Здесь он коротал свои века. Теперь это твой дом.

— А где сам Золотой Дракон?

— ...Он далеко. В пути к своей возлюбленной...

Это было не просто жилище, а обитель, созданная не руками, а волей и силой самого дракона. Камелия любила лежать на мягкой траве и смотреть вверх — на кристальный потолок, равномерно озаряющий пещеру светом, похожим на солнечный.

В воздухе порхали крошечные феи, тихо хохоча и прыгая с одного листа на другой. Их пение убаюкивало и наполняло пространство живыми звуками, словно сама обитель пела, отгоняя одиночество.

Здесь не было ни ящериц, ни жаб, ни змей — всех тех тварей, которых Камелия терпеть не могла.

Она любила сидеть на большом камне у берега источника, ела сладкий драконий фрукт и опускала ногу в тёплую воду — играючи, лениво, словно забыв обо всём.

Неподалёку бил другой родник, холодный и чистый, без вкуса, как талая вода. Его она берегла как питьевой — особенно после сражений, когда всё тело ныло от усталости.

В этой пещере было всё, чтобы выжить. Но для Камелии она стала больше, чем убежищем: её новым домом.

— Тебе стоит выйти наружу, — вдруг заговорил Нафанаил, отвлекая Камелию от еды.

— Зачем? Разве ты вчера не говорил, что в этих местах монстров почти не осталось и я могу отдохнуть?

— Дело не в монстрах. Люди вышли за замок.

— Ты хочешь, чтобы я их защитила?

— Нет. Я хочу, чтобы ты запомнила их лица... и держалась подальше. Они опасны.

Камелия послушно взяв в руки найденный в этой пещере меч начала карабкаться по крутому утесу вверх по наклонной, а когда добралась до плоской поверхности снова увидела снежного барса и большого тигра лежавших там мирно, словно ожидая ее прихода. Она встречала этих двух хищников не впервые. Куда бы Камелия не шла на поверхности они всегда следовали за нею покорно, не ожидая момента для нападения и не подкрадываясь.

- Какие умные. Знают ведь, что идя за мной могут наесться вдоволь, что телами монстров, что людьми. Но мне кажется причина не только в этом...

"Они к тебе привязались. Ты ведь их подкармливала, когда они еще были щенятами."

- Они мне не нужны...

"Лучше им об этом сказать. Но сейчас это не важно. Пересеки реку и выйди в самый большой холм, что находится по левой части красного дуба."

Камелия бесшумно двигалась вперёд, следуя за голосом, как за дыханием ветра. Земля под ногами была промозглой, одежда — изорванной и промокшей после перехода через реку Левиафан. Она дрожала, но продолжала идти — не из страха и не из воли, а потому что привыкла подчиняться его зову.

Пересекая холм, она ещё долго блуждала, пока не добралась до высокой каменистой возвышенности. Оттуда мир раскрылся перед ней — бескрайний, холодный, будто вырезанный из серого металла.

"Смотри на запад. Они там."

Камелия резко повернула голову и заметила шестерых всадников, мчавшихся из замка к полю, где накануне разгорелась бойня. Они держались уверенно, а их алые плащи, развеваясь на ветру, сразу выдавали в них не местную армию, а отборных воинов — не из тех, кого ссылают на смерть, а тех, кто приходит её встречать.

Хорошо вооружённые рыцари излучали безмолвную уверенность тех, кого не пугают ни чудовища, ни сама смерть. Казалось, они не шли на бой — они жаждали его, словно внутри каждого жил хищник, рвущийся наружу, чтобы утолить голод крови и почувствовать остроту жизни на краю бездны.

Камелия заметила, что в гарнизоне явно не хватало лошадей — многим приходилось сражаться и отступать пешими. Но те, кто сейчас мчался по равнине, сидели на выкормленных, высоких жеребцах — сильных, мускулистых, с блестящей шкурой. По их виду было ясно: за этими животными ухаживают опытные конюхи, какие водились только при дворе лорда Сьерры.

Камелия ясно осознавала — эти воины были не похожи на тех, кого ей доводилось встречать раньше. По словам Нафанаила, их нужно было избегать. Она всё ещё чувствовала боль, несмотря на её привычку к ранениям — и именно потому должна была остерегаться схватки с ними.

Сейчас, наблюдая за всадниками, Камелия впервые за долгое время подумала о тёплой одежде. Надо было не сжигать доспехи и плащи погибших, как она глупо сделала в прошлый раз, а отобрать всё нужное. Теперь оставалось только ждать нового случая — и не ошибиться снова.

— Наф, почему мне нельзя убивать людей? — Камелия не отрывала взгляда от всадников.

— ...Потому что это продлит твою жизнь.

— Кого-то бы это обрадовало. Жаль, нельзя с ним поменяться.

— А ведь когда-то ты сама этого хотела — долгой жизни.

— Правда?.. Как же иронично.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Бертран Кастиль резко повернулся на восток. Он рывком натянул поводья, осадив коня, и замер, вглядываясь в каменистый склон, пытаясь разглядеть наблюдателя.

Конь нервно топтался на месте, желая сорваться с места, но не смел — пока всадник не дал знак. Он тяжело фыркал и ржал, ощущая напряжение хозяина.

— Кто это? — спросил Бертран, нахмурившись.

На каменистой горе стоял кто-то — без движения, будто вырезанный из камня. Сначала мужчина принял его за одного из монстров, о которых ему докладывали. Но приглядевшись, понял: фигура — человеческая. Одежда — изорвана, будто выгорела на солнце и в пламени, но лицо... оно было удивительно красивым. Только глаза — алые, как кровь, и волосы — светлые с золотым отливом, какой не встретишь ни у одного человека, — настораживали.

— Э... Это демон Камель, — пробормотал солдат, запинаясь.

Он был молод и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Его взяли из числа выживших в Барбароссе, чтобы он провёл рыцарей по местности за стенами.

— Демон? — усмехнулся Грант, качая головой.

— Так... его называют, — юноша замялся, явно оправдываясь. — Я... тогда ещё не служил, когда он впервые появился. Но много слышал. И даже пару раз видел его сам — на охоте.

Он появлялся внезапно, как только на нас нападали монстры. Помогал, убивал их... а потом сразу исчезал.

— И его называли демоном? - спросил Бертран, удивляясь не только тому, что о нем ему не сообщали, но и тому, что подобный человек существует за стеной.

— Это прозвище дали ему за бессмертие. Его... убивали. Отрубали голову — а она снова была на плечах. Миг — и всё как будто не было! Я своими глазами это видел!

Пятеро рыцарей обернулись к солдату с выражением холодного недоверия, словно тот начал бредить. Теодор закатил глаза и устало тряхнул головой — мол, чего ещё ждать от местных.

— Это правда! Спросите кого угодно в Барбароссе — каждый подтвердит! Он не убийца... он спасал нас, раз за разом!

— Откуда он взялся, этот демон? — тихо спросил Бертран, не спуская глаз. — Раз не нападает... значит, выжидает?

— Людей он не трогает, хотя жители стены винят его во всех бедах. Я сам видел, как он охотится на монстров — он избегает нас, наоборот, будто сторонится. Говорят, он появился среди людей двенадцать лет назад. Его приняли, решив, что он пришёл из другой окраины — бедняк в поисках еды и крова. Его поили, кормили, одевали, даже не пытались узнать, кто он такой. Но спустя два года всё перевернулось. Бывший лорд Сьерра погиб от его руки — задушен собственными кишками, вырванными прямо в его же покоях.

- Разве ты только что не сказал о том, что этот малец не убивает людей? - перебил Грант.

- Лорд хотел изнасиловать тогда еще маленького мальчика ослепленный его красотой! И это только один случай, когда он кого-то убил! - взревел солдат защищая демона, - И за это его морили голодом, избивали, отрубали голову и даже четвертовали, но он не умер и люди начали его бояться, называя демоном... С тех пор он ушёл за стену — туда, где люди не живут. Иногда появляется, как тень, чтобы исчезнуть вновь.

В голосе солдата звучали грусть и горечь — уловимые даже теми, кто хотел бы их не слышать.

— Он что, спас тебе жизнь? — усмехнулся Теодор, не ожидая ответа.

— Спас... — тихо сказал солдат. — И не только мне.

Все замолчали, обдумывая его сбивчивые, но искренние слова. Каждый гадал: что из этого — правда, а что просто слух.

— Бессмертный воин — редкий ресурс, — произнёс Бертран, глядя в сторону горы. — Если бы только знать, как его подчинить...

— Но он не идёт на контакт, милорд, — нерешительно возразил солдат.

— Сейчас и проверим, — коротко бросил герцог.

Бертран пришпорил коня и рванулся к горе, но того мальчика, что до этой минуты спокойно наблюдал за ними, уже не было. Он исчез — словно растаял в воздухе — в тот самый миг, как их взгляды от него отвернулись. Однако, ведомые упрямством и надеждой, всадники всё же понеслись вперёд, с грохотом копыт взбираясь на каменистую высоту, как будто верили, что смогут настичь тень.

— Шустрый, однако... — пробормотал Грант, всматриваясь в пустоту, где ещё миг назад был их «демон».

Ветер гнал по вершине горы мелкую пыль, будто сметая любые следы его присутствия. Ни следа, ни запаха, ни эха. Только ощущение, будто кто-то смотрит со спины, неуловимо, почти шутливо.

— Либо ветер помог, либо он и правда не человек, — выдохнул Теодор, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

— Или слишком человек, — возразил Бертран, глядя вдаль, — чтобы оставаться среди тех, кто зовёт его чудовищем.

Глава 7. В ожидании

Оборачиваясь назад, все воспоминания кажутся удивительно тёплыми — будто в них не было слёз и тяжести. Хотя в те времена боль тоже была рядом. Прошлое кажется прекрасным лишь потому, что боль в нём со временем теряет вес, а травмы — стираются. Но стоит снова столкнуться с людьми, что стали причинами твоего несчастья как душа разрывается и изливается кровью, хотя воспоминания до сих пор остаются туманными. Сердце все помнит и до скончания веков проводит свое время чтобы излечиться и ищет спасения в других, если никак не сумеет отпустить и простить окончательно.

Камелия прижала колени к груди. С её рубиновых глаз скатились слёзы — тихие, будто их и не было вовсе. Ей казалось что она ничего не чувствует, что внутри нее бездонная пустота, но из раза в раз нежно зовущий ее по имени Нафанаил казалось не понаслышке знал как тоска прожигает ее изнутри и еще немного она задохнется от внутреннего возгорания. Девушке хотелось человеческого тепла, обычной жизни и банальных объятий, да и тихих разговоров ни о чем, но сама она этого понимала смутно, хотя в чем смысл ей об этих чувствах знать. Они столь же далеки и недостижимы, как ее жизнь Великой принцессы Аркадия. Прошлое уже померкла в памяти, а мозг и по ныне блокировал тяжелые чувства и воспоминания чтобы душа окончательно не сломалась словно фарфоровая чаша. Камелия до последнего не понимала отчего ей стало так дурно.

— Камелия... — снова прозвучал тихий, зовущий голос. Она лишь устало взмахнула рукой, словно прогоняя сон.

— Замолчи... — выдохнула она, слишком резко. И тут же сжала губы, сжавшись внутри от сожаления.

И стоило Нафанаилу замолчать, как грудь сжалась. Пустота тут же напомнила о себе — болезненно, давяще, по-настоящему. Она снова за долгое время осознала что одна, что никто к ней не придет и душу ее не согреет. Может, мы все действительно одни. Своими демонами. Своими пустотами.

- Прости, - шепнула девушка сильнее прижимая колени к груди, - Отчего мне стало так дурно?.. Наф, почему?

- Человеку нужен человек...

- Так я все же человек?

- Конечно, - ответил голос моментально.

— Тогда... — она запнулась, вздохнула, проглотила мысль. — Нафанаил, а почему ты назвал тех людей опасными? Потому что они сильные?

— Да. Те, кто жил здесь раньше, боялись твоего бессмертия — потому и не трогали тебя.

Но эти могут заинтересоваться.

Если решат поймать тебя и... разбирать по кусочкам, как загадку — ты испытаешь не смерть, а мучение.

А ты ведь создана не для этого.

Твое предназначение — **защищать людей**, чтобы однажды обрести покой.

Не дай им добраться до тебя.

— Хорошо... — тихо буркнула она. — А может, мне и не стоит бояться. Всё равно ведь не умру... может, стоит просто...

— **Нет!** — его голос ударил громом. Камелия вздрогнула, зажмурилась, вцепившись в себя.

— Ладно... Я посплю.

Разбуди, когда они снова пойдут на охоту. Мне понадобится тёплая одежда.

— ...Спокойной ночи, моя принцесса.

— Не называй меня так, — прошептала она, закрыв глаза. — Я давно ей не была.

Это было до... моей первой смерти.

В другом мире. Там, где стояла Аркадия. Где правил мой род. Потомки ангелов.

— Ты принцесса не только по крови.

Ты — избранная. Последняя, кто носит имя Анжелс. Потомок тех, кто сошёл с неба и стал правителями Аркадии.

Никто, кроме тебя, не достоин этого имени, Камелия Анжелс дэ Аркадия.

— Ха... потомок ангелов... — горько усмехнулась она.

— Тогда скажи: за чьи грехи я плачу?

За их? Значит, **ангелы тоже грешны.**

А Бог несправедлив, если наказывает не их, а меня.

— Это не Бог тебя наказывает. Он... испытывает.

А те, кто называли себя ангелами, но бросили тебя в бездну — **не небесные. Они падшие**

— Значит, я — потомок падших?

Где же тогда моя Аркадия?..

— Они будут наказаны. Самим Богом.

А тебя он — заберёт в свои объятия, Камелия.

Аркадия помнит. И ждёт.

Этот мир далёк от твоего... но ты ещё вернёшься.

Моя принцесса...

Бархатистый голос Нафанаила ласкал слух.

Камелия вдруг почувствовала что-то почти нереальное —

как будто **он, несмотря на расстояние, всем своим существом желал дотронуться до неё.**

И это желание — прорвалось. Сквозь границы, сквозь запреты. Легко коснулось её щеки.

Камелия лишь легонько улыбнулась, погружаясь в сон с ощущением что в ее груди затрепетало забытое чувство хоть на мгновение, но согрел ее всю. Все таки она не была одна. Сквозь дальние дали. Сквозь запертые врата. Сквозь лунные цепи, что сковывали его тело.

Кто-то тянулся к ней. Пылая всей мощью, всей верой, всей любовью.

Он сделал невозможное — только чтобы быть рядом.

Хоть немного. Хоть во сне.

С той, кого всегда любил.

— Моя принцесса...

Его голос, наполненный болью, тоской и неземной нежностью, продолжал звучать — уже **в её сне**. А феи что всегда летали в тропическом лесу долетели до нее и кружа над ее головой начали заполнять пещеру успокаивающей мелодией, коего девушка никогда не слышала в бодрствующем состоянии и возможно никогда не услышит. Одна из фей приземлилась к ее виску, продолжая весело подпрыгивать, а после улеглась там же раскинув свои руки в стороны словно обнимая Камелию. За ней последовали и другие представители той же расы.

- Не разбудите ее, - повелительно прозвучал голос Нафанаила, который сильно отличался от того как он говорил с Камелией. В ответ ему запищала маленькая фея что лежала на височке, - Пусть хотя бы сон ее будет спокойным, - ответил ей голос.

Порой Камелия спала неделями беспробудным сном. И в этот раз Нафанаил планировал никак ее не будить пока не настанет нужное время, а феи все время должны были защищать ее тело и мозг от нарушений и рисков.

Мельхиор стойко переносил пронизывающий холод севера, что усиливался с каждым шагом к оборонительной стене Барбаросса. Он не позволял себе дрожать, не искал тепла у костра — молчаливый, как камень, невозмутимый, как сама смерть. Слабость была бы роскошью, которой он не имел права воспользоваться.

Всю дорогу он хранил молчание, словно и не замечал ядовитых полушёпотов за спиной — тех, кто слишком труслив, чтобы бросить вызов в лицо, и слишком глуп, чтобы понять, кто идёт рядом с ними.

— Не берите в голову, — пробормотал старый солдат, опускаясь на бревно у костра, рядом с юношей, что неспешно жевал вяленое мясо. — Вот, возьмите... горячее, всё ж лучше глодать, чем сушняк.

Мельхиор бросил взгляд на деревянную чашу с кашей. Взгляд — острый, вымеренный, недоверчивый.

— Клянусь, никто туда не плевал и ничего не подмешал, — усмехнулся старик, почесав щетину.

— Клятва, лишённая чести, — всё равно что звук в пустоте. Не стоит тратить на неё дыхание. Но за кашу — благодарю. Я привык к еде, в которой хрустит песок.

Вагнер расхохотался — громко, вразрез с ночной тишиной. Остальные обернулись с удивлением.

— Да ты не промах, принц пустыни. Видать, не зря про тебя легенды ходят. Я Вагнер. Бывалый... добытчик.

— Воровство — это непростительный проступок за что в моей стране отрубают руки под локоть и завязывают эту конечность на шею, чтобы все знали, чем ты согрешил. Тебе повезло родиться в Эсваре.

- Когда твой ребенок умирает от голода, работы нет и попрошайничество не приносит дохода, остаться без руки не так уж и страшно звучит.

- Ложь тоже непростителен, - спокойно добавил юноша, отпивая кашу, который получился излишне жидким из-за чего ощущалось словно он отпил воду со вкусом каши.

- Черт, это уже слишком, - снова расхохотался старик, - Ну ладно повеселились и хватит. Завтра уже прибудем к крепости, интересно как Вас встретит главнокомандующий? Все таки Вы оскорбили его самолюбие сразив его одним выстрелом и ушли безнаказанно будучи еще молокососом. Думаю он не забыл этого, ведь после этого он был почти что неспособен даже меч поднять, не говоря уже о сражениях, он никогда не был так беспомощен как тогда.

- ... Думаю ты ошибаешься, - ответил Мельхиор вспоминая как мужчина которого он помнил крепко пожал его маленькую руку и загадочно усмехнулся перед тем как покинуть Алипеду, - Он не столь злопамятный и мелочный как ты считаешь.

Вагнер непонимающе нахмурился, а после снова усмехнулся. Юноша что сидел перед ним был широкоплеч, высок и хорошего телосложения, чтобы называться талантливым воином. Шаги были бесшумны, уверены и легки, а его взгляд был спокоен, но острее словно лезвие.

"Не смотря на это простое одеяние, невооруженным взглядом можно заметить его благородство и давящее на окружающих его превосходство. Будет тяжело ему в Барбароссе, где для всех он истинный чужак."

Наступила глубокая ночь и Мельхиор как и остальные солдаты решил отдохнуть. Для этого он выбрал толстое дубовое дерево и облокотившись к нему заснул в сидячем положении пока остальные улеглись около костра, а дежурные стояли поодаль в лесу чтобы не соблазниться сном и заснуть.

- Смотри дикарь, сразу видно, спит как лошадь, ха-ха

- Не понимаю я о чем думал прошлый король позволяя этим пустынным ублюдкам остаться в живых. Стоило их всех перерезать и сделать рабами, вот тогда бы от них был бы прок

- Ага согласен. Говорят девки Алипеду горячие красотки, можно было бы развлекаться ими сколько угодно, а потом выбросить, ха-ха

В тишине ночи, среди потрескивающих углей, открылись глаза — янтарные, холодные, как раскалённый металл. Они не отражали свет — они его пожирали. Вагнер, что всё это время не спал, услышал сквозь угольную тьму слова, от которых даже у него по спине пробежал мороз.

— ...а царица, — булькал один, — говорят, до сих пор та ещё штучка...

— Может, король Одилиан сам её испробовал? Вот и пожалел её отродье, — захихикал другой.

— Да он и был бесплоден, раз за всю жизнь ни одного бастарда...

Свист.

И — тишина.

Один из солдат вдруг осел, словно подкошенный, и прежде чем кто-то понял, что произошло, его голова с глухим стуком покатилась к костру. Из шеи хлынул горячий фонтан, забрызгав всё — землю, сапоги, лицо Мельхиора, стоящего прямо перед телом. Он был неподвижен, как изваяние. Ни гнева, ни ярости. Только ровное, ледяное спокойствие.

— Ч-чёрт! Как ты?.. — второй дежурный судорожно потянулся к мечу — и не успел. Его смерть была столь же быстра, как и первая.

Остальные солдаты повскакивали, вырывая оружие. Шаги, крики, металлический звон. Мельхиор не двинулся.

Он лишь спокойно вернул клинок в ножны.

— **Не смей!** — прогремел Вагнер, шагнув вперёд. — **ОПУСТИТЬ ОРУЖИЕ!**

— Но, капитан, он убил...

— Глухие?! **СКАЗАНО — ОПУСТИТЬ!**

Тишина упала глухо, как плита. Солдаты подчинились, не решаясь возразить. Мельхиор стоял, будто не замечая их — ровно, спокойно, с высоко поднятой головой.

— Зачем вы это сделали, принц? — спросил Вагнер. — Это... непростительно. Люди начнут сомневаться в вас. В вашей верности королю.

Мельхиор медленно перевёл взгляд на него. В нём не было ярости — только пустота и лёд.

— Я верен. Не вам, не этим псам, а короне Эсвара. Я — сын Осириса, что поклялась в верности королю Одилиану. Я видел, как он правил. Я помню его силу — и справедливость. И если законы Эсвара больше не наказывают изменников, что глумятся над его памятью, то мне не стоит здесь быть.

Он шагнул ближе.

— Но, полагаю, ты не забыл закон. За поругание имени монарха — казнь. Без суда. На месте.

Вагнер сжал челюсть... и вдруг усмехнулся.

— Змей... — пробормотал он. — Хладнокровный, чёртов змей...

Он обернулся к остальным:

— Вы всё слышали! Имя короля — свято. Кто забыл — пусть вспомнит. И запомнит.

Солдаты не проронили ни слова. Даже самые заносчивые теперь смотрели на Мельхиора с опаской — не как на чужака, а как на того, кто может лишиться головы прежде, чем ты успеешь выдохнуть проклятие.

Юноша развернулся к Вагнеру, небрежно вытирая кровь с лица краем рукава.

— Ты хотел знать, зачем я это сделал, капитан? Затем, чтобы напомнить вам: я не раб, не пленник и не ваш товарищ по несчастью. Я — принц Алипед. Я не прошу уважения. Я беру его.

Вагнер чуть прищурился. Не страх — интерес промелькнул в его взгляде. Он понимал, на кого смотрит. Этот парень не был просто юнцом с саблей. Это был тот, кто родился для битв, кто из крови и стали мог создать судьбу.

— Благодарю, — кивнул Вагнер, скрывая усмешку. — Позвольте, я отведу вас к воде. Надо смыть кровь с лица. Хотя, признаться, вам она идёт.

Мельхиор не ответил. Он молча пошёл следом.

Когда они отошли от костра, Вагнер вновь заговорил — уже тише, без насмешки:

— Они боятся тебя. И правильно делают. Но в крепости Барбаросса тебе придётся куда тяжелее. Там не любят чужих. А еще там армия, которая еще помнит сражение в Алипед.

Мельхиор склонился над ручьём, плеснул холодной водой в лицо, смывая засохшую кровь. Поднял голову. Его отражение смотрело прямо в глаза.

— Слава — для тех, кто хочет чтобы его любили. Я не ищу этого. Мне достаточно, чтобы меня не трогали.

Он выпрямился, стряхивая воду с пальцев.

— Но если тронут — я не пожалею ни одного из них.

Вагнер кивнул, будто приняв какой-то внутренний приговор.

— Тогда, быть может, ты выживешь в этом адском форте. Может, даже изменишь его. Если он сам тебя раньше не сожрёт.

— Пусть пробуют, — тихо ответил Мельхиор. — Не все знают, что у добычи бывают зубы.

Глава 8. Первая маска

— Я хочу этого демона себе, — спокойно, почти как о деле государственной важности, произнёс Бертран, усаживаясь на своё место. — Его надо поймать и склонить на нашу сторону.

— Но... если это существо зло? — нерешительно возразил Грант. — Мы ведь не знаем его природы, мой господин.

— В том-то и дело, что не знаем, — кивнул Бертран. — Но мне кажется, ты спрашиваешь не о том.

— Я говорю о возможных последствиях. Мы не знаем, чего ожидать. Он может обернуться против нас...

— Грант, прекрати трепаться, — резко оборвал главнокомандующий. — Узнаем, кто он, когда поймает. Пока что у нас есть факт: он никого не убивал. Кроме одного лорда, вины которого никто, похоже, и не отрицает.

Он взял бокал, глотнул воды, будто давая паузу словам, а потом продолжил уже холоднее:

— Мы сражаемся с тварями, которые не мыслят, не говорят и убивают всё, что движется. Этот демон живёт за стеной и не нападает на людей. Разве не логично попытаться привлечь его?

Отчаянные времена требуют отчаянных решений. Если бы чудовища, с которыми мы воюем, могли говорить — я заключил бы с ними союз. Но они не могут. А он — может.

— И всё же это безумие... — пробормотал Грант.

— Возможно. Но на поле битвы побеждают не те, кто действует безопасно. Побеждают те, кто первым нарушает правила.

Командир на миг замолчал. В глазах мелькнул холодный расчёт.

— Бессмертный солдат за пределами стены. Если он подчинится мне — баланс изменится. И уже не мы будем бояться.

Грант опустил взгляд. Его доводы закончились. Он знал, что спорить дальше бесполезно. Бертран Кастиль не зря был главнокомандующим. Он не боялся мыслить вне привычных рамок. Он был опасен — и именно поэтому надёжный.

— Тогда я соберу группу. Пойдут на его поиски.

— Не стоит. — Бертран жестом остановил его. — Если донесения верны, он появится сам, когда начнётся следующая волна чудовищ. Мы дождёмся.

— Понял. А что с принцем Алипедом? Он уже должен был прибыть...

Грант прислушался к шуму, что доносился из коридора.

— Кажется, уже прибыл.

— Приведи его. Посмотрим, каким вырос мальчишка, который когда-то осрамил меня.

"Мне однажды сказали, что в мире не только чёрное и белое. Что человек не бывает абсолютно светлым или тёмным. Всё вокруг — оттенки, полутени, приглушённые краски. И только благодаря им дорога по жизни становится интересной.

Но что, если эта дорога обесцвечена? Если она — цепь бессмысленных событий, не пробуждающих воображения, не вызывающих боли, не дающих надежды?

Что, если кто-то молчит не потому, что не хочет говорить, а потому, что его никто не слышит?"

Отта молча вчитывался в строчки, проявившиеся на полотне — золотистые пылинки собирались то тут, то там, складываясь в ясные слова, наполняя картину чужим воспоминанием. На холсте — кровь, мысль и, возможно, последняя воля художника.

— Жуткая картина, не правда ли? — прошипел голос за спиной. Бархатисто, холодно.

Юноша вздрогнул, но не обернулся сразу. Его янтарные глаза медленно поднялись на фигуру, отразившуюся в лакированной раме. Варфал стоял близко, ближе, чем дозволено.

— Отнюдь, — мягко, почти шёпотом, ответил Отта, — она... прекрасна.

Варфал вскинул бровь, его змеиный взгляд скользнул по холсту, на миг задержавшись на демоническом силуэте. Он никак не мог назвать это искусство прекрасным — в нём было слишком много тьмы, скорби и какого-то холодного безумия.

— Прекрасна?.. — переспросил он, будто впервые усомнившись в собственной чувствительности.

— Вы не видите? — Отта чуть наклонил голову, будто изучая его лицо. — Демон здесь — не чудовище. Он... мечта.

Смотрите: его лицо полно боли, но и восторга. Он смотрит на короля, как на утраченный рай. А король... оплакивает что-то, что ещё не потерял.

— Сложная интерпретация, — задумчиво отозвался Варфал, вглядываясь в полотно уже внимательнее.

— Вы — умный человек, — сказал Отта, оборачиваясь к нему с едва уловимой полуулыбкой, — Вы чувствуете больше, чем показываете. Просто не хотите признать.

Варфал замер. Юноша не был прост — дерзкий, слишком прозорливый для своего возраста, и в нём уже проявлялась опасная грация манипулятора.

"Он играет," — подумал Варфал.

"И хочет, чтобы я играл с ним."

— Вы наблюдательны, — наконец сказал он. — Возможно, даже слишком. Для чужеземца.

— Наблюдательность — не грех, — тихо ответил Отта, отходя к дверному проёму. — Гораздо страшнее — ослепнуть от гордости. Особенно в чужом дворце.

Он склонил голову — не то в насмешке, не то в изысканном поклоне — и вышел, не сказав ни прощания, ни доброго слова. Варфал остался у картины, вглядываясь в неё дольше, чем собирался.

Вечером того же дня Отта был приглашен на бал, устроенный молодым императором чтобы быть оскорбленным.

— Пленяя всех одной лишь красотой, вы отказываете *мне* — всего лишь в одном танце? — голос Сераписа звучал с игривой ленцой, но в нём подспудно звенела сталь вельможного самодура.

Отта стоял прямо, но его губы слегка поджались. Лицо не дрогнуло, только глаза вспыхнули — янтарь стал ярче, будто пламя нашло в нём отражение.

В зале стало тише. Все ждали.

— Танцевать на публику, — сказал он негромко, но чётко, — это прерогатива наложниц, не принцев. Особенно в Алипеде. У нас это считается бесчестьем для мужчины.

— Вы отказываетесь? — спросил Серапис уже тише, но и острее.

— Скорее, обговариваю условия, — спокойно ответил Отта. — Танец — это не развлечение, это жертва. Я могу станцевать... но вы должны будете заплатить цену, которая достойна моего позора. Иначе, по законам моего народа, мне придётся умереть, чтобы сохранить честь рода. И Вы, Ваше Величество, не сможете этому воспрепятствовать.

Тон был безукоризненно вежлив, но в нём слышалась жёсткость клинка, обнажённого без страха. Глаза Отты не отвели взгляд. Он не умолял — он ставил условия. Словно равный.

Серапис растерянно моргнул. Впервые за долгое время. Он хотел унизить — но в этом взгляде не было ни страха, ни слабости. Лишь грациозное упрямство. И что-то ещё... что-то неуловимо манящее.

«Какой же он упрямый...» — пронеслось у короля. — «...и красивый в этом упрямстве».

— Ваше Величество, — вмешался Варфал, голос его был ровен, — принц говорит правду. Их культура сурова. Возможно, будет разумнее предложить альтернативу. Например, исполнение национальной музыки. Я слышал, что юноши Алипедэ владеют молоточковой цимбалой с детства.

— Хм... — Серапис перевёл взгляд на Отту. — Что ж, сыграйте. Надеюсь, у музыки нет таких последствий, как у танца?

— Она лишь будит сердце, — с тонкой улыбкой ответил принц, — но не позорит плоть.

Отта вышел вперёд. Его руки уверенно взяли молоточки, и в зале зазвучала мелодия — сначала лёгкая, как утренний ветер, а затем тревожная, полная невыраженной боли. Она была сложной, изысканной — и в ней слышались злость, тоска, триумф. Она затягивала. Она трогала. Она жалила.

Серапис смотрел, не мигая. Он впервые не слышал музыку — он видел душу.

А Варфал — считывал расставленные ловушки. Отта был не просто пленённый принц. Он знал, как играть на нервах сильных. И, кажется, только начинал свою игру.

В конце Отта чуть склонил голову. Не в покорности, а будто в вызове.

Серапис встал. Он не аплодировал. Он просто сказал:

— Вы необычайны, принц Отта. Надеюсь, в будущем вы сыграете... и для меня одного.

Отта посмотрел на него. В его глазах промелькнуло то ли согласие, то ли насмешка, то ли предвкушение.

— Лишь если вы этого заслужите, Ваше Величество, — прошептал он. И исчез в глубине зала, оставив после себя не только звуки музыки, но и дрожь в сердце короля.

"Я сыграю эту же мелодию в день твоей смерти. А пока — наслаждайся."

После того вечера балы стали происходить всё чаще. Серапис приказывал устраивать их под любым предлогом — дипломатический приём, день основания чего-нибудь, смена погоды. Придворные не успевали обновлять наряды, но никто не смел роптать — ведь на каждом балу Отта должен был играть.

Принц никогда не отказывался. И никогда не играл одинаково. Его мелодии были как яд, тщательно дозируемый: одна звучала нежно и томно — словно приглашение к соблазну; другая — холодно и отстранённо, как напоминание о том, кто здесь пленник, а кто палач. А иногда звучали ноты боли — и именно в эти мгновения Серапис замирал, не в силах пошевелиться.

Он не понимал, чего жаждет больше — власти над этим юношей или прикосновения его пальцев. В нём жило раздражение, влечение и... странное благоговение. Музыка Отта стала для него наркотиком. Без неё он не мог уснуть. Без него — Отта мог, но не хотел.

Каждый вечер, окончив игру, юный принц молча проходил по длинному тёмному коридору. Там, на стене, висела "Украденная душа" — картина, написанная безумцем-гением, запечатлевшим последние мгновения человека, сломленного демоном. И каждый раз Отта замирал перед ней.

— Однажды ты станешь частью нового полотна, Серапис.

И это буду писать я. Музыкой.

Он не произносил этих слов вслух. Он играл их.

Глава 9. Первые шаги по льду

— Мальчишка, что ранил меня и оставил без меча на полгода, теперь стоит передо мной и просит прощения? — голос Бертрана был ироничным, но глаза блестели опасным интересом.

— Я рад, что могу сделать это лично, — ровно ответил Мельхиор, ни капли сожаления в голосе. Он знал, зачем пришёл — и не собирался извиняться за победу.

Бертран молча смотрел на него, как хищник, прикидывающий, опасна ли дичь, что осмелилась встать перед ним. Потом, едва заметно усмехнувшись, кивнул — скорее себе, чем юноше.

— Не проси прощения за то, что сражался за свою страну. Это унижает и меня, и твоего отца, который, надо признать, воспитал тебя достойно.

— Но...

— Довольно, — взгляд Бертрана обрезал попытку возразить. — Гарсий, прикажи накрыть на стол. Наш гость прибыл.

— Слушаюсь, господин, — ответил Грант и вышел.

— Принц, будь моя воля — я бы не принял тебя здесь. Но так решил наш король. А с решением короля спорят либо дураки, либо мертвецы. Ты останешься здесь. Пока ты в Барбароссе — ты под моей защитой. Никто не посмеет тебя тронуть. Я уже отдал приказы, покои тебе выделены.

— Я благодарен.

— Не сердись, что я держу тебя на расстоянии?

— Напротив. Это мне привычнее. Тем более... Вы тот, кто победил меня в бою.

Бертран рассмеялся — коротко, глухо.

— Тебе тогда сколько было? Тринадцать?

— Да. Но возраст — не оправдание.

— В твоём случае — как раз оправдание. Ты был безумно храбр. Я хорошо помню тот бой. Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он был на тебя похож.

— Я был бы не против стать вашим названным сыном, — сказал Мельхиор спокойно. — Моего отца здесь нет. А вы — единственный человек, чья доблесть мне знакома.

В голосе не было жалости — только холодная правда. Бертран замолчал, вглядываясь в него.

— Ты должен был меня ненавидеть.

— А зачем мне эта роскошь — в нынешнем положении? Я принял судьбу. И хочу тратить свои силы не на злобу, а на то, что по-настоящему люблю.

— И что же это?

— Сражаться, — голос Мельхиора зазвучал ярче, глаза блеснули.

Бертран чуть приподнял бровь. Вот оно. Это — пламя. То же, что когда-то жгло его самого.

— Знаешь, даже если ты станешь лучшим воином Барбароссы, твое имя может никто не вспомнить.

— Мне достаточно, чтобы вы его помнили.

Впервые за долгое время Бертран почувствовал что-то вроде тепла — чужое, но не неприятное.

— Завоюй уважение моих солдат — и я приму тебя как сына.

— Тогда обращайтесь ко мне как к подчинённому.

— Не могу. Ты — принц.

— Тогда сделайте меня их компаньоном. Или хотя бы дайте место рядом. Я не хочу выделяться.

— Они выходят на вылазки за Стену. Там умирают. Ты готов?
— Это лучше, чем гнить в праздности.
— Ты не понимаешь всех последствий.
— Тогда дайте мне время понять их на собственном опыте. Я подготовлю письмо. Если умру — вы передадите его.

— Упрямый ты...

— Я настаиваю.

Бертран пристально посмотрел на него. Угроза, честолюбие, железная воля. И всё это — в одном юноше.

— Уже перечишь, хотя я ещё не признал тебя сыном.

— ...

Мельхиор промолчал, не опуская взгляда.

— Хорошо, — устало выдохнул Бертран. — Сегодня ты выйдешь с Грантом и остальными. Ищите следы демона. Камель — его имя. Я хочу его живым.

— Не чудовище — а демон? И ещё живым?

— Мы обсудим за столом.

Когда принц вошёл в зал, за столом уже сидели несколько офицеров, и разговор стих мгновенно, будто ветром сдуло.

Кто-то отодвинулся, кто-то уткнулся в кубок, кто-то просто сделал вид, что не заметил его появления.

Мельхиор остановился в дверях. Ни тени смущения. Ни просьбы быть принятым. Он просто ждал, глядя в упор.

Первым заговорил не самый младший, не самый глупый — а самый умный.

Бертран.

— Прошу к столу, принц. Ты — наш гость. И пусть кто-то всё ещё видит в тебе врага, я вижу в тебе воина. Остальные — подтянутся.

Слова прозвучали просто. Но за ними скрывался приказ, против которого никто не осмелился возразить.

Только после этого кто-то чуть придвинул кубок ближе, кто-то с натянутой вежливостью кивнул. Настроение осталось тяжёлым, но лёд тронулся.

Трапеза была роскошной, как и подобает столу командующего. Но разговор был о вещах, далеких от утончённости.

— Этот демон живёт за стеной, — сказал Бертран, откидываясь в кресле. — И, в отличие от других тварей, не нападает. Умён. Наблюдает. Может — говорит. Возможно, он ключ к перевесу в этой войне.

— Или к гибели, — тихо вставил Мельхиор.

— Именно поэтому его нужно изучить. И контролировать.

— Не подчинить?

— Это ты сказал. Но да, если получится.

Мельхиор смотрел в лицо герцогу, но в глазах его было сомнение.

— В Алипедe все эти сказания — считались бредом. Суевериями.

— Здесь они — реальность, — вмешался Грант, присоединившись к трапезе. — И чем дольше ты здесь пробудешь — тем быстрее в это поверишь.

— Или сойдёшь с ума, — вставил Теодор, усмехнувшись. — Первый раз, когда я увидел Камеля, я решил, что сплю.

— Не стоит загружать голову Его Высочества байками, — вмешался рыцарь Петрунко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.